

**ОБОСНОВАНИЕ
ПРАВОВОГО НАКАЗАНИЯ
В ФИЛОСОФИИ КАНТА**

Д. О. Аронсон

Предмет данной статьи – проблема обоснования наказания в рамках кантовской практической философии. Отмечается, что современные интерпретаторы, как правило, сводят эту проблему к вопросу о «ретрибутивизме»: в какой мере кантовскую теорию наказания следует рассматривать как ретрибутивную? Признавая важность данного вопроса, автор подчеркивает, что за ним стоит более серьезный: может ли в кантовской философии вообще существовать непротиворечивая теория наказания (и если да, то на каких основаниях)? Показано, что от решения этого вопроса во многом зависит обоснование учения о праве в целом, а также решение проблемы соотношения права и индивидуальной морали в кантовской философии.

***Ключевые слова:** право, этика, мораль, наказание, ретрибутивизм, категорический императив, объединенная воля, антиномия.*

Наказание как безусловный долг

«Наказание по суду, – пишет Кант в “Учении о праве”, – никогда не может быть для самого преступника или для гражданского общества вообще только средством содействия какому-то другому благу: наказание лишь потому должно налагать на преступника, что он совершил преступление; ведь с человеком никогда нельзя обращаться лишь как со средством» [3, с. 366]. Тем самым философ отказывается от того, чтобы полностью подчинять наказание утилитарным нуждам, будь то устрашение, изоляция преступников от общества или экономический рост. «Карающий закон, – подчеркивает Кант, – есть категорический императив» [3, с. 366–7]. Поэтому неудивительно, что, по выражению Т. Хилла, «кантовская теория наказания долгое время практически неизменно оценивалась в качестве парадигмы “ретрибутивизма”» [10, р. 237].

Уже со времен Шопенгауэра, позицию Канта нередко рассматривали как излишне кровожадную и как апологетику бессмысленной мести. И примерно с 1980-х го-

дов стали появляться интерпретации [8; 10; 11; 13; 14], нацеленные на то, чтобы смягчить или ограничить «неудобный» ретрибутивизм Канта. Так, исследователи «справедливо обратили внимание на тот факт, что потребность удержания от преступлений играет ключевую роль в кантовском оправдании полномочия и долга государства наказывать правонарушителей» [10, р. 237]. Дело в том, что в кантовской философии право, в отличие от этики, неразрывно связано с внешним принуждением: от права неотделимо «правомочие применять принуждение к тому, кто наносит ущерб этому праву» [3, с. 255]. В другом месте Кант пишет о праве, что «это законодательство должно принуждать, а не быть привлекательной приманкой» [3, с. 240]. Тем самым, по-видимому, право нуждается в наказании как *средстве* принуждения.

Но можно ли сделать наказание средством принуждения, не противореча при этом кантовскому требованию «никогда не использовать человека только как средство»? За последние десятилетия исследователи предложили не один способ решения этой проблемы. Ш. Б. Бирд в своей классической статье [14] разделяет практику наказания на две составляющие: *угрозу наказания и собственно наказание* того, кто совершил преступление. Именно угроза наказания нацелена на удержание граждан от преступления, тогда как «после того, как преступление произошло, приоритетной становится уже не инструментальная задача предотвращения преступлений, а справедливое обращение с индивидом» [14, р. 153]. Более того, Бирд полагает, что наказание интересовало Канта в первую очередь именно как средство удержания от преступлений, а «воздаяние было не целью и не причиной наказания, а скорее принципом, *ограничивающим* карающее право государства и тем самым гарантирующим, что с индивидом будут обращаться не как со средством для какой-нибудь общественной цели, но всегда — как с целью в себе» [14, р. 153].

О. Хёффе [11], в свою очередь, обращает наше внимание на известную тонкость в определении категорического императива: от нас требуется никогда не обращаться с человеком *только* как со средством, что не означает, что мы вообще не можем этого делать (не забывая, конечно, что прежде всего он — цель). По мнению Хёффе, Кант вовсе не отрицает того, что наказание может преследовать прагматические цели, такие как исправление преступников или удержание от преступлений. Он лишь подчеркивает, что эти функции не могут быть основой для «морального оправдания наказания» [11, р. 120].

Оригинальную попытку разрешить коллизию предлагает Т. Хилл [10]. Обращаясь к присутствующему в кантовских работах понятию совести, он интерпретирует наказание как своего рода коммуникативный акт, цель которого — пробудить совесть преступника. Терпя наказание, он оказывается лицом к лицу перед фактом неодобрения со стороны сообщества и самого себя как разумного существа. Тем самым наказание удерживает преступника от дальнейших преступлений, но наказуемый при этом отнюдь не рассматривается как средство: напротив, обращаясь к его моральной способности — совести, — сообщество рассматривает его как сугубо моральное существо.

Надо сказать, что если Хилл всячески акцентирует понимание наказания как безусловного долга, то Бирд и Хёффе отходят от этой идеи. Интерпретацию Бирда можно резюмировать так: наказание — это гипотетический императив, который, однако, *строго подчинен* категорическому. Уголовный

кодекс — это набор прагматических указаний эффективного внешнего принуждения. Однако список этих указаний, как и допустимые случаи их применения, строжайше ограничен требованием «справедливого обращения с индивидом» [14, р. 153].

Чрезвычайно близок к этому пониманию и Хёффе: кантовское учение о наказании как воздаянии он интерпретирует как моральное требование того, чтобы наказание осуществлялось исключительно *после* совершения преступления, и как категорический запрет на наказание невиновных [11, р. 156–157, 173]. В этих соображениях проглядывает все та же идея, что категорический императив *ограничивает* допустимые средства и способы принуждения. Хёффе, впрочем, не желает в каком-либо смысле называть наказание гипотетическим императивом. Вместо этого он пишет, что «удержание [от совершения преступления] — *побочное*, хотя и *неизбежное* следствие» наказания [11, р. 157] (курсив мой. — Д. А.). Очевидно, что для Хёффе очень важно, чтобы удержание от преступлений было неизбежным следствием наказания. Но при этом его приходится назвать побочным — чтобы не отходить от идеи наказания как безусловного императива. Проблема в том, что эти две характеристики — «побочное» и «неизбежное» — трудно совместить. Удержание от преступлений было бы неизбежным, в кантовском смысле, следствием наказания в трех случаях:

(1) оно является главной, а не побочной целью наказания, либо

(2) оно является эмпирическим, но по каким-то причинам неотъемлемым сопутствующим фактором (здесь я отдаю должное интерпретации Хёффе, согласно которой «Учение о праве» содержит ряд эмпирических предпосылок, которые, тем не менее, необходимы, поскольку связаны с «инвариантными условиями человеческого существования» [11, р. 87]), либо

(3) оно аналитически вытекает из самого понятия наказания.

Случай (1) — именно тот, которого Хёффе в своей трактовке стремится избежать; (2) неверно, поскольку легко представить ситуацию, когда соразмерное наказание не приводит к удержанию от преступлений. Для примера можно сослаться на экономический анализ Г. Беккера: если достаточно велики ожидаемые выгоды от совершения преступления или издержки его несовершенства, преступление все равно будет совершено [1, с. 299–306]. Опровергнув (2), я одновременно опроверг (3), поскольку возможность мыслить суждение, противоположное исходному, как не в любом случае противоречивое, по определению означает, что это исходное суждение — не аналитическое.

Итак, представление, согласно которому удержание от преступлений — побочное следствие наказания, во всех случаях приводит к тому, что оно становится *случайным* следствием. Чтобы оно было неизбежным следствием, как того хочет Хёффе, надо признать, что оно — главная цель наказания, именно та цель, для которой и учреждаются пенитенциарные институты.

Таким образом, различие между подходами Бирд и Хёффе несущественно: оба эти подхода, хотя и этого их авторы или нет, ведут к тому, что наказание оказывается гипотетическим императивом, который должен быть ограничен категорическим.

Однако, по Канту, совершая *любой* поступок, мы должны проверять его максимум на соответствие категорическому императиву. Поэтому в кантовской философии сказать, что наказание суть гипотетический императив, который должен быть ограничен категорическим, — это то же самое, что

просто утверждать, что наказание суть гипотетический императив. Кант же говорит прямо противоположное: он называет наказание категорическим императивом и подробно обосновывает эту мысль на нескольких страницах [3, с. 366–373]. Философ недвусмысленно дает понять, что наказание само по себе — долг.

Но может быть, Кант ошибся, когда настаивал, что наказание — категорический императив? Может быть, правы Хёффе и Бирд, которые, если говорить словами Шлейермахера, поняли Канта лучше, чем он сам?

Представляется, что это не так. Необходимость понимания наказания как категорического императива прямо вытекает из заявленного Кантом априорного характера права¹. Ведь если предписания права и его форма не зависят от случайных эмпирических условий, то они по определению должны выступать для разумных существ как категорические императивы². Следовательно, категорическим императивом должно быть продиктовано и всякое правоприменение, не исключая наказания. Отсюда следует, что утверждение Канта о том, что «карающий закон есть категорический императив», не случайно и не ошибочно. *Обоснование наказания как категорического императива существенно для обоснования кантовского учения о праве в целом, и прежде всего его априорного и общезначимого характера.*

Как уже было сказано, основная проблема, которую решают современные интерпретаторы кантовской теории наказания, состоит в том, чтобы примирить понимание наказания как средства принуждения с заявленным Кантом пониманием наказания как категорического императива. Проблема в том, что поступок, являющийся средством для чего бы то ни было, подчинен, согласно Канту, гипотетическому императиву. Решение, предложенное Бирд и Хёффе, приводит к тому, что наказание, строго говоря, вообще перестает быть категорическим императивом. Еще один исследователь, А. Рипштайн, избегает выражения «средство принуждения» и вместо этого характеризует наказание как «механизм приведения права в действие», который «вытекает из необходимой природы самого права» [13, р. 303, 307]. Действительно, если право само по себе — категорический императив, а наказание выступает неотъемлемой частью права и приводит его в действие, то называть наказание *средством* столь же бессмысленно, как называть любой моральный поступок средством выполнения долга. Моральный поступок — не средство выполнения долга; он сам по себе и есть выполнение долга. Точно так же наказание — не средство принуждения, а правовое принуждение как таковое (или, по крайней мере, один из его видов). Принуждение же есть неотъемлемая часть права [3, с. 255]. Таким образом, нет никакого противоречия между принуждающей функцией наказания и тем, что наказание — безусловный долг. Скажу больше: наказание

¹ Хёффе, как уже упоминалось, видит в «Учении о праве» ряд антропологических и эмпирических допущений [10, р. 86–91]. Однако все эти случаи касаются лишь кантовской теории частного права. Мне по-прежнему представляется, что кантовский проект учения о праве *per se* можно считать сугубо априористским. В качестве примера обоснования права без всяких ссылок на эмпирические условия (включая факт сосуществования людей друг с другом) можно рассматривать реконструкцию Э.Ю. Соловьева [6, с. 149–154, 182–183].

² Это отмечает и М. Грегор: «Если бы его (т. е. права. — Д. А.) законы не были выведены из категорического императива, то принуждение, осуществляемое правовым законодательством, было бы не обяыванием по закону, а произвольным насилием» [9, р. 31].

тем более должно быть понято как категорический императив, если оно служит удержанию от преступлений. Ведь это означает, что оно — часть права, а следовательно, нельзя доказать, что право априорно, не доказав, что наказание — категорический императив и *ничто иное*³.

Ниже я рассмотрю специфическую трудность, связанную с пониманием наказания как категорического императива. Эта трудность проистекает из универсальности кантовской этики: если существует категорический императив, то он обращен сразу ко всем людям, более того — к любым разумным существам, какие только существуют в природе (например, к инопланетянам). Если я обязан держать слово, не лгать, хорошо делать свою работу, то те же требования категорически предъявляются и ко всем остальным. В области права это находит отражение в принципе гражданского равенства и в том, что любое предписание публичного права обращено к каждому из граждан. Но в случае наказания мы видим любопытную вещь: ни в коем случае нельзя сказать, что каждый человек лично обязан наказывать преступников. Совсем наоборот: наказание — функция особых учреждений и работа специально нанятых людей. Частное лицо не только не обязано наказывать преступников, но и не может делать этого. Как это совместимо с универсальностью нравственного требования?

Универсальный характер императива наказания

Казалось бы, в том, что какие-то обязанности юридически закреплены лишь за ограниченным числом лиц, нет ничего странного. Например, вождение транспорта — для одних профессиональная обязанность, для других — право, для третьих (а именно, для всех, у кого нет водительских прав) — правонарушение. Почему же мы удивляемся, что наказание преступников является долгом группы лиц (а именно — представителей исполнительной власти), будучи запрещено для всех остальных?

Ошибочность подобного сравнения состоит в том, что наказание преступников в корне отличается от прочих профессиональных обязанностей, таких как вождение автобуса, составление документов, выступление на сцене и т.д. Ни одна из таких обязанностей не есть априорный долг. Все они — результат заключенных договоров и возникают благодаря тому, что существует долг выполнять обещание, который действительно априорен. Именно в силу этого долга заключение договора накладывает на меня некие новые обязательства (причем не только с юридической, но и с моральной точки зрения). Иначе дело обстоит с долгом наказания, который, исходя из вышесказанного, априорен и, следовательно, универсален. То есть вопрос не в том, как некое действие может быть обязанностью одного лица, не будучи обязанностью другого (в этом нет ничего странного), а в том, как возможно, чтобы *универсальная* заповедь стала профессиональной обязанностью ограниченной группы лиц.

Для ответа на этот вопрос попробуем сначала понять, почему категорический императив наказания нельзя мыслить как обращенный к каждому в отдельности.

Как мы видели, в рамках кантовской философии можно обосновать утверждение, что наказание — априорный и всеобщий долг. По Канту, априор-

³Практический вывод из этого, по-видимому, состоит в том, что государство ни в какой мере не имеет права манипулировать своими пенитенциарными средствами во имя «большой эффективности».

ный императив гласит, что «если [человек]... убил, то он должен умереть» [3, с. 368]. Одновременно существует другой априорный императив, гласящий, что людей убивать нельзя. Означает ли сказанное, что когда некто совершает убийство, в отношении него перестает действовать второй императив и начинает действовать первый? Нет: априорные законы в кантовской системе не могут быть отменены никаким эмпирическим действием. Общественный договор не отменяет действие естественного права; дурные помыслы моего собеседника, согласно знаменитому рассуждению Канта, не дают мне права лгать ему. Отсюда отсутствие в кантовском тезаурусе такого выражения, как «моральное право»: все моральные обязанности вытекают из категорического императива, а потому существуют вне времени и не могут быть отменены. Как выразился в свое время Шопенгауэр, «несправедливость, причиненная мне другим, вовсе не дает мне права поступать несправедливо по отношению к нему» [7, с. 327]. Действительно, если бы совершение человеком чего-либо аморального создавало у окружающих «моральные права», т.е. освобождало бы их от части моральных обязанностей по отношению к нему, то нетрудно было бы представить себе ситуацию, когда «априорные» моральные предписания полностью исчезли бы не просто с лица Земли, но и из мира идей. Например, если исходить из того, что солгавший не «имеет права на правду» [4, с. 257], то, стоит каждому человеку в мире хотя бы раз солгать (вполне правдоподобная ситуация!), как априорный запрет на ложь перестанет существовать.

Итак, получается, что в отношении убийцы чистый практический разум одновременно гласит, что он должен быть убит (как убийца) и что мне запрещено его убивать (ведь он — разумное существо, а значит, и на него распространяются универсальные заповеди). Уже упомянутый Шопенгауэр, несомненно, заметил это противоречие и сделал вывод, что кантовская попытка представить наказание в качестве морального долга полностью ошибочна⁴. Шопенгауэр поспешил найти простое решение и объявил наказание средством защиты права и безопасности. Однако, как мы видели, сделать так — значит поставить под сомнение априорный характер права как такового, т.е. (с точки зрения кантовской философии) уничтожить грань между правом и произвольным насилием. Можно ли ее сохранить?

Для этого нужно что-то сделать с указанным противоречием.

Наказание как антиномия

Похоже, здесь мы сталкиваемся с самой настоящей антиномией практического разума, которая никогда прямо не была заявлена Кантом, но тем не менее вытекает из его философии. Если рассматривать все следствия категорического императива исключительно как требования, предъявляемые к индивидуальной воле, то возникает противоречие между идеей справедливого воздаяния и остальными моральными заповедями. Но Шопенгауэр, увидев в этом противоречии исключительно свидетельство «старческой слабости» Канта, наверное, забыл, какую важную роль в философии последнего играют антиномии. Антиномия свободы вовсе не свидетельство о ложности принципов, положенных в основу спекулятивного познания: наоборот, она потребовала перехода к исследованию практического

⁴ «Воздаяние злом за зло без дальнейшей цели не может быть оправдано ни морально, ни каким-нибудь иным разумным основанием. ... Поэтому кантовская теория наказания как простого воздаяния ради воздаяния совершенно неосновательна и ложна» [7, с. 327–328].

разума и тем самым только расширила область компетенции критического, а вслед за ним и метафизического знания. И точно так же для того, чтобы решить антиномию наказания, требуется перестать рассматривать нравственный закон применительно только к индивидуальной морали и исследовать то, какое воплощение он находит в публичной сфере. Именно таким воплощением в кантовской философии оказывается право, предписания которого проистекают не из индивидуальной воли человека. Напрашивается вывод, что они вытекают из «объединенной воли целого народа», о которой пишет Кант [4, с. 185], но я сознательно не делаю такого вывода здесь, поскольку он требует отдельного исследования.

Итак, мою гипотезу можно резюмировать следующим образом.

1. Если рассматривать кантовский нравственный закон с точки зрения индивидуальной человеческой воли, то возникает противоречие между идеей справедливого наказания и прочими моральными предписаниями.

2. Для решения этого противоречия (антиномии) необходимо рассмотреть категорический императив сквозь призму кантовской дихотомии частного и публичного.

3. В частной сфере категорический императив обращен к индивидуальной воле и выступает как «моральный закон во мне». В публичной сфере категорический императив обращен к некой другой воле и выливается в институты права.

4. Наказание в качестве императива существует только в публичной сфере: это долг, предъявляемый не отдельному человеку, а некому другому субъекту (возможно, объединенной воле всех).

Таким образом, система права в философии Канта подобно эсхилловской Афине, учредившей суд, кладет конец порочному кругу злодеяний — состоянию, когда невозможно выполнить долг, не совершив нового зла. Однако для подтверждения этой гипотезы предстоит разрешить множество вопросов: отвечает ли гипотеза кантовскому специфическому пониманию публичного? Будет ли решение заявленной антиномии с необходимостью вести к «Учению о праве» в том виде, в каком оно нам известно? В каком смысле вообще категорический императив может быть обращен к какому-то иному субъекту — не человеку, а, например, к «объединенной воле»? Решение этих и других возникающих проблем — тема для отдельной работы.

Список литературы

1. Беккер Г. Человеческое поведение: экономический подход. М., 2003.
2. Кант И. Критика практического разума / пер. Н.М. Соколова // Кант И. Сочинения : в 8 т. Т. 4. М., 1994.
3. Кант И. Метафизика нравов / пер. С.Я. Шейнмана-Топштейна, Ц.Г. Арзаканьяна // Там же. Т. 6.
4. Кант И. О поговорке «Может это и верно в теории, но не годится для практики» и О мнимом праве лгать из человеколюбия // Там же. Т. 8.
5. Кант И. Основание метафизики нравов // Кант И. Лекции по этике. М., 2000.
6. Соловьев Э.Ю. И. Кант: взаимодополнительность морали и права. М., 1992.
7. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление / пер. с нем. Ю.И. Айхенвальда. М., 1992.
8. Bahnam G. Kants's Practical Philosophy. Palgrave Macmillan, 2003.
9. Gregor M. Laws of Freedom. Oxford, 1963.
10. Hill Th. E. Punishment, Conscience and Moral Worth // Kant's Metaphysics of Morals: Interpretative Essays / ed. by M. Timmons. Oxford, 2002. P. 233—254.
11. Höffe O. Categorical Principles of Law // transl. by M. Migotti. The Pennsylvania State University Press, 2002.

12. Korsgaard C.M. Introduction to Kant's Groundwork of the Metaphysics of Morals / transl. by M. Gregor. Cambridge, 1998.

13. Ripstein A. Force And Freedom: Kant's Legal And Political Philosophy. Harvard University Press, 2009.

14. Aron Byrd Sh.B. Kant's Theory of Punishment: Deterrence in Its Threat, Retribution in Its Execution // Law and Philosophy. 1989. №8. P. 151 – 200.

Об авторе

Даниил Олегович Аронсон – асп. факультета философии НИУ-ВШЭ, препод. кафедры философии и гуманитарных наук Московского городского психолого-педагогического университета, daaronson@yandex.ru

THE JUSTIFICATION OF LEGAL PUNISHMENT IN KANT'S PHILOSOPHY

D. O. Aronson

The subject matter of the article is the problem of justification of punishment within Kant's practical philosophy. Modern interpretations tend to reduce this problem to the issue of "retributivism": To what extent is Kant's theory of punishment to be regarded as retributivist? While acknowledging the significance of this question the author stresses a more fundamental one lying behind it: Is a non-contradictory theory of punishment conceivable at all within Kant's philosophy? It is demonstrated that a solution of this question largely determines a justification of the doctrine of right as such as well as a solution of the problem of relation between right and ethics in Kantian philosophy.

Some recent interpretations of Kant's theory of punishment are examined, particularly those by O. Hoeffe and B. Byrd. It is demonstrated that neither is actually compatible with Kant's statement that punishment is a categorical imperative. Furthermore, it is shown that this statement is crucial and necessary for Kant's universalist project of justification of right.

At the same time, it is shown that it is the universalism of Kant's practical philosophy that leads to a kind of paradox of punishment: the categorical imperative of punishment might well demand those very actions which the categorical imperative as we know it from the "Groundwork" seems to forbid.

It is proposed to see this paradox as another antinomy of practical reason. The hypothesis is offered that the separation of the principles of virtue directed to an individual will and right covering the public sphere can be considered as an attempt to solve this very antinomy.

Key words: right, ethics, morality, punishment, retributivism, categorical imperative, united will, antinomy.

References

- Bekker G. Chelovecheskoe povedenie: jekonomicheskij podhod. M.: GU-VShJe, 2003.
- Kant I. Kritika prakticheskogo razuma / Per. N.M. Sokolova // Kant I. Sochinenija. V 8-mi t. T. 4. M.: Choro, 1994. — 630 s.
- Kant I. Metafizika npravov / Per. S. Ja. Shejnmana-Topshtejna, C.G. Arzakan'jana // Kant I. Sochinenija. V 8-mi t. T. 6. M.: Choro, 1994. — 613 s.
- Kant I. O pogovorke «Mozhet jeto i verno v teorii, no ne goditsja dlja praktiki» i O mniom prave l'gat' iz chelovekoljubija // Kant I. Sochinenija. V 8-mi t. T. 8. M.: Choro, 1994. — 718 s.
- Kant I. Osnovanie metafiziki npravov // Kant I. Lekcii po jetike. M.: Respublika, 2000. — 431 s.
- Colov'ev Je.Ju. I. Kant: vzaimodopolnitel'nost' morali i prava. M.: Nauka, 1992. — 216 s.
- Shopengaujer A. Mir kak volja i predstavlenie / Per. s nem. Ju.I. Ajhenva'lda. M.: Moskovskij klub, 1992. — 395 s.
- Bahnam G. Kants's Practical Philosophy. Palgrave Macmillan, 2003.

- Gregor M.* Laws of Freedom. Oxford: Blackwell, 1963.
- Hill Th. E.* Punishment, Conscience and Moral Worth // Kant's Metaphysics of Morals: Interpretative Essays. Ed. by M. Timmons. Oxford University Press, 2002. pp. 233–254.
- Höffe O.* Categorical Principles of Law. (trans. by M. Migotti) The Pennsylvania State University Press, 2002.
- Korsgaard C M.* Introduction to Kant's Groundwork Of The Metaphysics Of Morals. (trans by M. Gregor) Cambridge University Press, 1998.
- Ripstein A.* Force And Freedom: Kant's Legal And Political Philosophy. Harvard University Press, 2009.
- Sharon Byrd B.* "Kant's Theory of Punishment: Deterrence in Its Threat, Retribution in Its Execution," Law and Philosophy 8 (1989): 151–200.

About the author

Danil Aronson, PhD student, Faculty of Philosophy, Higher School of Economics; Lecturer, Department of Philosophy and Humanities, Moscow City University of Psychology and Education, daaronson@yandex.ru